

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.581'42+81'25+81'27
 ББК Ш171.1-51+Ш118+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Чанг Джуй Ченг

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китай, levchang0722@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4345-3822>

Прагмалингвистический анализ метафор движения в политическом дискурсе: перевод и интерпретация

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено изучению особенностей восприятия метафор движения разными типами интерпретаторов на материале второго инаугурационного обращения Цай Ин-вэнь и его официальных переводов на русский язык. Цель статьи — проанализировать, как переводчики и студенты-русисты интерпретируют извлеченные метафоры движения, служащие для описания исторической судьбы страны, а также изучить прагматический эффект их переводов. В ходе исследования используются метод семантического, дискурсивного и когнитивного анализа метафорических высказываний, сопоставительный анализ их переводов с исходным текстом, а также социолингвистический опрос как особый тип эксперимента. Анализ показал, что в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации восприятие метафор движения в политическом дискурсе представляет трудную задачу, прежде всего из-за различий в концептуализации пространства в китайском и русском языках, а также из-за расхождений в прагматических установках интерпретаторов. Эксперимент выявил, что адекватный перлокутивный эффект перевода достигается при условии сохранения исходного пространственного значения глаголов движения и прагматического потенциала метафоры. Результаты исследования могут быть использованы в когнитивной лингвистике, политической лингвистике, прагмалингвистике и теории перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, метафорические единицы, когнитивная лингвистика, языковые единицы, метафорические выражения, политические деятели, женщины-политики, тайваньские политики, китайский язык, интерпретация, интерпретатор, метафора движения, перлокутивный эффект, социолингвистический опрос, межъязыковая коммуникация, межкультурная коммуникация, переводоведение, политические переводы, переводческая деятельность, русский язык, русские переводы, политические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чанг Джуй Ченг, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики (Department of Slavic Languages & Literatures, NCCU), Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чанг Джуй Ченг. Прагмалингвистический анализ метафор движения в политическом дискурсе: перевод и интерпретация / Чанг Джуй Ченг. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 153-161.

Chang, Jui-Cheng

National Chengchi University, Taipei City, China, levchang0722@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4345-3822>

Linguopragmatic Analysis of Motion Metaphors in Political Discourse: Translation and Interpretation

ABSTRACT. The article studies the specific features of perception of motion metaphors by different types of interpreters based on the material of Tsai Ing-wen's second inaugural address and its official translations into Russian. The aim of the article is to analyze how translators and students interpret the selected motion metaphors that serve to describe the country's historical path, as well as to study the pragmatic effect of their translations. The research employs the methods of semantic, discourse, and cognitive analyses of metaphorical expressions, a comparative analysis of the target text with the source text, as well as a sociolinguistic survey as a specific type of experiment. The analysis demonstrates that in the situation of interlingual and intercultural communication, the perception of motion metaphors in political discourse is a difficult task, primarily due to the differences in the conceptualization of space in Chinese and Russian, as well as the divergences in pragmatic orientations of interpreters. The experiment has shown that the adequate perlocutionary effect of translation is achieved, given the original spatial meaning of the verbs of motion and the pragmatic potential of the metaphor are preserved. The findings of the study may be used in cognitive linguistics, political linguistics, pragmalinguistics, and translation studies.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, metaphorical units, cognitive linguistics, language units, metaphorical expressions, politicians, women-politicians, Taiwan politicians, Chinese language, interpretation, interpreter, motion metaphor, perlocutionary effect, sociolinguistic survey, interlingual communication, intercultural communication, translation studies, political translations, translation activity, Russian language, Russian translations, political texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Chang, Jui-Cheng, Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi university, Taipei City, China.

FOR CITATION: *Chang, Jui-Cheng. (2026). Linguopragmatic Analysis of Motion Metaphors in Political Discourse: Translation and Interpretation. In Political Linguistics. No 1 (115), pp. 153-161. (In Russ.).*

В основе статьи лежит материал доклада, прочитанного на международной научной конференции «XXVI Филологические чтения. Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего: когнитивные исследования в парадигме интерпретационной лингвистики» (г. Новосибирск, НГПУ, Институт филологии и медиакоммуникаций, 16–17 октября 2025 г.).

A concise variant of the article was delivered as a report at the International Scientific Conference “XXVI Philological Readings. The Interpretive Potential of the Language System and the Creative Activity of the Speaker: Cognitive Research in the Paradigm of Interpretive Linguistics” (Novosibirsk, NSPU, Institute of Philology and Media Communications, October 16–17, 2025).

Настоящая статья является продолжением предыдущего исследования, в котором была проанализирована роль метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ» во втором инаугурационном обращении Цай Ин-вэнь, а также рассмотрены особенности ее передачи в официальных переводах на русский и английский языки [Чанг Джуй Ченг 2021: 41–68]. В предлагаемой работе анализ сосредоточен на сопоставлении официальных переводов на русский язык с оригиналом. Основное внимание в данном исследовании уделяется, во-первых, анализу особенностей интерпретации метафор движения, извлеченных из второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, официальными переводчиками и студентами, изучающими русский язык как иностранный; во-вторых, рассмотрению перлокутивного эффекта переводов этих метафор с помощью социолингвистического опроса. Мы полагаем, что подобный анализ позволяет глубже раскрыть специфику коммуникативного акта «адресант — политический дискурс — адресат» и способствует развитию у студентов умений дифференцировать семантические признаки русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение, а также формированию компетенции перевода политических метафор.

В современной лингвистике наблюдается значительный интерес к изучению метафорических моделей в политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001а, 2003; Балашова 2025: 69–77; Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь 2022: 126–134; Пименова, Родичева 2021: 779–791; Ларка 2021: 85–100; Ryazanova-Clarke, Koteyko 2009: 112–127]. С когнитивной точки зрения метафорическая модель рассматривается как один из способов концептуализации и описания сложных социально-политических явлений и процессов. В прагматическом аспекте она выступает как одно из наиболее эффективных средств речевого воздействия на адресата. Как убедительно отмечает А. П. Чудинов, метафорическая модель «позво-

ляет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» [Чудинов 2001б: 26–27].

Как показали результаты наших предыдущих исследований [Чанг Джуй Ченг 2021: 41–68, 2022: 200–210, 2023: 85–104], Цай Ин-вэнь широко использовала в своих выступлениях метафорическую модель «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ». Использование этой модели способствует достижению таких воздействующих целей, как изменение представлений адресата об историческом опыте страны, укрепление социальной сплоченности общества и повышение уровня доверия населения к власти. Из сказанного следует, что при переводе выступлений Цай Ин-вэнь необходимо учитывать роль указанной метафорической модели в речи политика в целях сохранения ее прагматического потенциала, под которым понимается «типовое эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее высказывание на адресата» [Чудинов 2001а: 47].

Однако в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации перевод политических метафор неизбежно сопряжен с проблемой интерпретации [Демьянков 1989, 1999; Долинин 1985]. Под интерпретацией, вслед за В. З. Демьянковым, понимается «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Демьянков 1999: 11]. Ученый выделяет аспекты, по которым можно классифицировать типы интерпретации: ориентация, противопоставление структурного типа интерпретации функциональному, объем домысливания и объем универсума дискурса.

По мнению В. З. Демьянкова, в рамках структурного типа интерпретации различаются первичная (распознавание элементов высказывания) и вторичная (переход от выражения к замыслу говорящего) [Демьянков

1989: 66–67]. Особое значение для нашего исследования имеет именно вторичная интерпретация, поскольку при передаче метафор движения во второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, как и политических метафор вообще, на иностранные языки переводчику как первичному адресату необходимо не только воспринять информацию, но и понять коммуникативную установку первичного адресанта.

Не менее важен для нашего исследования и аспект «объем домысливания», позволяющий классифицировать интерпретацию по уровню: низкому (пересказ понятого) и высокому (добавление интерпретатором собственных мыслей и фантазий к тексту) [там же]. В условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации политические метафоры либо сохраняются с высокой степенью точности, либо подвергаются дополнительной обработке, что отражает субъективность переводчика как вторичного адресанта по отношению ко вторичному адресату.

В предлагаемом нами исследовании в роли вторичного адресата выступают студенты, изучающие русский язык как иностранный. В целях выявления как особенностей интерпретации студентами-русистами метафор движения во втором инаугурационном обращении Цай Ин-вэнь, так и оценки их передачи в официальных переводах был проведен социолингвистический опрос как особый тип эксперимента (о специфике эксперимента в прагмалингвистике см. [Матвеева, Ленец, Петрова 2014: 153–154]). Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято экспериментальное исследование восприятия студентами политических метафор и их переводов на русский язык. Подобные исследования ранее не проводились, что делает полученные результаты особо значимыми для когнитивной лингвистики, политической лингвистики, прагматики и теории перевода.

В опросе приняли участие 52 студента факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи: 11 изучают русский язык на протяжении 1–2 лет, 17 — 2–3 лет, 16 — 3–4 лет и 8 студентов — более 4 лет. Дополнительной целью эксперимента стало выявление влияния уровня владения русским языком на дифференциацию семантических признаков русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение.

Материалом эксперимента послужили три метафорических высказывания: *我們…走出獨裁體制的幽谷…* (букв. Мы <…> вышли из мрачного ущелья авторитарного режима <…>), *我們…一度走在被世界孤立的曠野之中…*

(букв. Мы <…> шли/ходили по обширной равнине, которая была изолирована от мира <…>); *…我們是一個在驚濤駭浪中走過來的國家* (букв. <…> мы — страна, прошедшая страшные валы и яростные волны), а также их официальные переводы на русский язык, опубликованные на сайтах «Панорама Тайваня» и «Русская служба Международного радио Тайваня (МРТ)».

Опросный лист разделен на две части. В первую часть листа был включен материал из оригинала, и по каждому из высказываний задан вопрос: «Прочитайте следующее высказывание и, исходя из вашего понимания, выберите наиболее подходящий глагол русского языка для передачи данной лексической единицы китайского языка» — и предложены глаголы движения. Во вторую же часть листа был включен материал из оригинала и переводов, и по каждому из высказываний предложен вопрос: «Сравните оригинальное высказывание и два варианта его перевода. Какой из них Вы больше предпочитаете» — и дополнительный вариант ответа «Оба варианта не нравятся».

В результате анализа метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ», широко использованной во второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, был выявлен фрейм «Передвижение в пространстве». В рамках названного фрейма выделены следующие слоты: «Передвижение из ограниченного пространства в открытое», «Передвижение внутри бескрайнего пространства» и «Передвижение сквозь препятствия». Рассмотрим особенности интерпретации метафор движения переводчиками и студентами-русистами, а также результаты опроса, направленного на выявление перлокутивного эффекта переводов этих метафор.

1. Фрейм «Передвижение в пространстве»

Слот 1.1. «Передвижение из ограниченного пространства в открытое» (компоненты области цели: освобождение страны от ограничивающей системы)

Пример (1) *我們…走出獨裁體制的幽谷* (букв. Мы <…> вышли из мрачного ущелья авторитарного режима).

(«Тайваньская панорама») <…> мы **вышли** из мрака диктаторского правления.

(«Русская служба МРТ») Мы <…> **перешли** от авторитарного режима к демократии.

В приведенном высказывании реализуется метафора движения: народ метафорически осмысливается как путешественники, а авторитарный режим представляется как темное ограниченное пространство. Ключе-

вую роль здесь играет лексема китайского языка 走出, относящаяся к «глагольно-направительной конструкции»¹. Она состоит из двух морфем: первая указывает на способ движения и обозначает «движение, совершаемое ногами», вторая указывает на направленность изнутри наружу. Таким образом, данная лексема указывает на акт выхода из замкнутого пространства. Использование образного выражения 幽谷 (букв. 'мрачное ущелье') усиливает представление о предельной ограниченности пространства, вызывая ассоциации с теснотой и опасностью, что оказывает эмоциональное воздействие на адресата.

Лексема русского языка *выйти* имеет значение 'уйти откуда-л., оставить пределы чего-л.' [МАС 1985: 257] и, как отмечает Ю. Д. Апресян, обозначает «передвижение из замкнутого в более открытое пространство» [Апресян 1995: 490–491]. Из сказанного следует, что семантика лексемы китайского языка 走出 соотносится с семантикой русского глагола *выйти*. В этом случае уместно применить стратегию перевода политических метафор «сохранение эквивалентных метафорических образов в лингвистическом измерении» [Ли Минхуэй, Ли Юйхань 2022: 123]: использование лексемы русского языка *выйти* и прием дословного перевода («выйти из мрачного ущелья»), на наш взгляд, позволяют сохранить слот «передвижение из ограниченного пространства в открытое» и тем самым обеспечить прагматический потенциал метафоры движения.

Рассмотрим теперь официальные переводы. В первом варианте перевода («Тайваньская панорама») применена упомянутая выше стратегия перевода политических метафор. В переводе используется лексема *выйти*, что соответствует замыслу первичного адресанта. Следует отметить, что переводчик трансформирует метафорическую основу, смещая акцент с ограниченности пространства на оппозицию «свет — тьма». Что касается второго варианта перевода («Русская служба МРТ»), то в нем наблюдается высокий уровень интерпретации в аспекте «объем домысливания»: переводчик добавляет собственное толкование, используя лексему *перейти*, обозначающую смену политического режима. Однако использование данной лексемы не способно обеспечить прагматический потенциал метафоры движения. Кроме того, образное выражение 幽谷 (букв. 'мрачное ущелье') не передается, что приводит к утрате пространственного

образа и негативной оценки. Сопоставив приведенные варианты перевода, мы выдвигаем гипотезу: адекватный перлокутивный эффект перевода достигается, когда он сохраняет исходное пространственное значение глагола движения и прагматический потенциал метафоры. Данные проведенного социолингвистического опроса позволяют проверить это предположение.

Проанализируем результаты опроса. В первой части опросного листа предложены следующие лексемы: *выйти*, *уйти*, *пройти* и *перейти*. Их использование позволяет определить, насколько студенты различают семантические значения префиксов *вы-* 'выделиться из чего-н., направиться наружу' [Русская грамматика 1980: 357], *у-* 'удалиться откуда-н., покинуть (заставить покинуть) какое-н. место' [там же: 370], *про-* 'переместиться, продвигаться вперед, преодолеть расстояние' [там же: 367] и *пере-* 'переместиться из одного места в другое через предмет или пространство' [там же: 363]. Выбор данных префиксальных глаголов позволяет выявить, как информанты концептуализируют политические изменения: освобождение (*вы-*), удаление (*у-*), преодоление препятствий (*про-*) или переход / смена состояния (*пере-*).

Согласно результатам опроса, подавляющее большинство респондентов выбрало лексему *выйти* (студенты, изучающие русский язык 1–2 года: 73 %, 2–3 года — 76 %, 3–4 года — 63 % и более 4 лет — 75 %), что, по нашему мнению, наиболее соответствует прагматической цели первичного адресанта. В то же время часть информантов, преимущественно из групп с меньшим сроком обучения, склонялась к выбору лексемы *уйти* (1–2 года обучения: 18 %, 2–3 года — 24 %, 3–4 года — 31 % и более 4 лет — 0 %). Это позволяет заключить, что в процессе обучения русскому языку как иностранному требуется уделять специальное внимание семантике префиксов *вы-* и *у-*, организуя их сопоставительный анализ с эквивалентами в китайском языке. Это необходимо для формирования у студентов умений четко разграничить значения этих двух префиксов, что является важным для перевода метафор движения в политическом дискурсе.

Следует отметить, что 9 % респондентов первой группы (1–2 года) и 25 % опрошенных последней группы (более 4 лет) отдали предпочтение лексеме *пройти*. Подобный выбор, по нашему мнению, показывает, что информанты интерпретируют политические изме-

¹ Ду Хунцзюнь. Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. С. 7.

нения как процесс преодоления народом ограничений. Наконец, 6 % студентов, изучающих русский язык 3–4 года, выбрали лексему *перейти*, что может свидетельствовать об их интерпретации метафоры движения как указания на смену политического режима.

Результаты второй части опроса согласуются с результатами первой части. Абсолютное большинство участников опроса выбрало вариант перевода <...> *мы вышли из мрака диктаторского правления* (1–2 года обучения: 64 %, 2–3 года — 100 %, 3–4 года — 75 % и более 4 лет — 75 %). Меньшая часть респондентов предпочла вариант перевода *Мы <...> перешли от авторитарного режима к демократии* (1–2 года: 27 %, 2–3 года — 0 %, 3–4 года — 25 % и более 4 лет — 25 %). Наконец, 9 % опрошенных первой группы (1–2 года) отметили вариант ответа «Оба варианта не нравятся».

Результаты опроса показывают, что при оценке переводов данного высказывания независимо от уровня владения русским языком опрошенные чаще отдают предпочтение первому варианту. Полученные данные подтверждают наше предположение: сохранение исходного пространственного значения глагола движения и прагматического потенциала метафоры является ключевым условием для достижения адекватного перлокутивного эффекта при переводе такого типа политических метафор.

Проанализируем следующее метафорическое высказывание, которое может вызвать у адресата неоднозначную интерпретацию.

Слот 1.2. «Передвижение внутри бескрайнего пространства» (компоненты области цели: опыт международной изоляции и ограничений во внешнеполитическом развитии)

Пример (2) *我們...一度走在被世界孤立的曠野之中* (букв. *Мы <...> шли/ходили по обширной равнине, изолированной от мира*).

(«Тайваньская панорама») <...> *мы <...> выстояли, когда мир обрек нас на одинокое скитание по пустыне*.

(«Русская служба МРТ») <...> *мы когда-то были изолированы от мира*.

В приведенном высказывании страна и ее народ образно осмысляются как путешественники, тогда как дипломатическая изоляция страны от мирового сообщества метафорически представлена как беспредельное пространство. Главную роль в этом метафорическом высказывании играет лексема китайского языка *走在*, состоящая из двух морфем: первая обозначает «движение, совершаемое ногами», вторая указывает на

нахождение субъекта внутри пространства во время движения. Эта лексема выражает процессуальность и допускает как целенаправленное, так и ненаправленное передвижение, что соотносится с семантикой русских глаголов *идти* и *ходить*. Именно эта неоднозначность создает трудности при выборе эквивалента в переводе.

На наш взгляд, в безграничном пространстве трудно ориентироваться, и в подобных условиях путешественник оказывается неспособным достичь конечного пункта. В результате международной изоляции стране так же трудно определить приоритетные направления дальнейшего развития. Исходя из этого, при переводе указанного высказывания уместным представляется сохранение метафорических образов с использованием лексемы *ходить*, которая наиболее адекватно передает ненаправленность передвижения субъекта в пространстве.

Первый вариант перевода («Тайваньская панорама») стремится к максимально полному воспроизведению замысла первичного адресанта. В переводе используется лексема *скитание/скитаться*, означающая «переходить, переезжать из одного места в другое, проводить жизнь в странствиях» [МАС 1988: 109], что позволяет сохранить образ ненаправленного движения. Более того, использование данной лексемы, обладающей книжной окраской [Виноградов 1999: 638], придает переводу торжественный оттенок. При этом переводчик вносит дополнительную информацию: во-первых, отражается активное воздействие мирового сообщества (Агенса) на страну и ее народ (Пациенса); во-вторых, использование лексемы *одинокий* усиливает впечатление беспомощности положения страны; наконец, лексема *выстоять*, означающая «выдержать тяжелые испытания, не отступив перед ними, не сдаться в тяжелой борьбе» [МАС 1985: 283], придает переводу эмоционально-оценочную окраску, акцентируя стойкость в неблагоприятных условиях. Все перечисленные моменты свидетельствуют о высоком уровне интерпретации в рамках аспекта «объем домысливания». В результате перевод оказывается более экспрессивным и эмоциональным, чем оригинал. Во втором варианте перевода («Русская служба МРТ») метафора движения устранена: перевод ограничивается передачей факта изоляции и характеризуется низким уровнем интерпретации в рамках аспекта «объем домысливания».

Перейдем к анализу восприятия студентами приведенного высказывания и его вариантов перевода. В первой части опросного листа им были предложены две лексемы —

идти и *ходить*. Их выбор позволяет выявить не только понимание опрошенными семантических различий между указанными бесприставочными глаголами движения, но и особенности восприятия исторического опыта своей страны.

Согласно результатам опроса, большинство респондентов выбрали лексему *идти* (1–2 года обучения: 73 %, 2–3 года — 71 %, 3–4 года — 69 % и более 4 лет — 62,5 %), что показывает восприятие ими исторического опыта как целенаправленного развития страны вопреки внешним вызовам. В то же время определенная часть информантов склонялась к выбору лексемы *ходить* (1–2 года: 27 %, 2–3 года — 29 %, 3–4 года — 31 % и более 4 лет — 37,5 %), что подтверждает наше предположение о ненаправленности движения в условиях международной изоляции.

Результаты второй части опроса выявили неоднозначное отношение респондентов к переводам. Первый вариант перевода (<...> *мы* <...> *выстояли, когда мир обрек нас на одинокое скитание по пустыне*), отличающийся эмоциональной окрашенностью, получил больше предпочтений у студентов со стажем изучения языка более 4 лет (1–2 года обучения: 55 %, 2–3 года — 35 %, 3–4 года — 44 % и более 4 лет — 62,5 %). Второй вариант перевода (<...> *мы когда-то были изолированы от мира*) оказался более привлекательным для студентов второй и третьей групп (1–2 года: 45 %, 2–3 года — 59 %, 3–4 года — 50 % и более 4 лет — 25 %). При этом определенная доля респондентов выбрала вариант ответа «Оба перевода не нравятся» (2–3 года — 6 %, 3–4 года — 6 % и более 4 лет — 12,5 %). Результаты не только вновь подтверждают наше предположение, но и выявляют важную закономерность: эффект перевода, сохраняющего прагматический потенциал метафоры движения, непосредственно зависит от уровня подготовки адресата. В отличие от групп среднего уровня, более опытные информанты проявляют чувствительность к метафорической образности, отдавая предпочтение переводу, сохраняющему прагматический потенциал метафоры движения.

Анализируемый пример выявляет проблему перевода метафор движения, возникающую вследствие различий в концептуализации пространства в китайском и русском языках. Решению этой проблемы способствуют как сопоставительный анализ систем глаголов движения в обоих языках, так и использование переводческих стратегий, направленных на сохранение прагматического потенциала метафоры движения.

Рассмотрим последнее метафорическое высказывание и особенности его восприятия разными типами интерпретаторов.

Слот 1.3. «Передвижение сквозь препятствия» (компоненты области цели: преодоление серьезных политических и социальных кризисов на пути развития страны)

Пример (3)...*我們是一個在驚濤駭浪中走過來的國家* (букв. <...> *мы — страна, прошедшая страшные валы и яростные волны*)

(«Тайваньская панорама») <...> ***мы — страна, прошедшая через грозные штормы.***

(«Русская служба МРТ») <...> ***мы — народ, который смог выйти из величайших трудностей.***

В приведенном высказывании реализуется метафора движения, в которой страна осмысливается как путешественник, преодолевший все препятствия на своем пути, а кризисы образно представлены как грозные природные явления. В этом ключевую роль играет лексема китайского языка *走過來*, состоящая из трех морфем: первая обозначает «движение ногами», вторая — «преодоление или пересечение пространства», третья — «передвижение из другого пространства в пространство говорящего». Указанная лексема, по нашему мнению, в большей степени акцентирует идею преодоления трудностей, нежели успешного достижения нового этапа развития. Семантика данной лексемы соотносится с семантикой русского глагола движения *пройти*, имеющего такие значения, как 'преодолеть ходьбой какое-л. расстояние, пространство' [БАС 1961: 1123] и 'пережить, испытать, претерпеть (какое-л. состояние или влияние чего-л.)' [МАС 1987: 491]. Таким образом, для сохранения прагматического потенциала метафоры движения при переводе приведенного высказывания целесообразно использовать буквальный перевод образа страшных природных явлений с употреблением глагола движения *пройти*.

Сопоставление двух вариантов перевода с оригиналом показывает, что переводчики по-разному интерпретируют исходный текст через использование глаголов движения: в первом варианте перевода («Тайваньская панорама») используется лексема *пройти*, а во втором («Русская служба МРТ») — *выйти*. Отсюда ясно, что переводчик первого варианта рассматривает кризисные ситуации в развитии страны как некое пространство, которое можно преодолеть, что соответствует нашему предположению о прохождении трудных этапов развития страны.

Переводчик второй версии, напротив, воспринимает внутренние и внешние кризисы страны как замкнутое пространство, которое можно покинуть. Кроме того, в первом варианте перевода адекватно передано выражение китайского языка 驚濤駭浪 (букв. 'страшные валы и яростные волны') через образ грозных штормов. Во втором варианте данное выражение передано нейтрально — как *величайшие трудности*.

Изучим результаты социолингвистического опроса. В первой части опросного листа были предложены следующие префиксальные глаголы движения: *пройти, прийти, перейти, выйти*. Выбор указанных лексем обусловлен тем, что они демонстрируют ключевые семантические различия между префиксами *про-* 'переместиться, продвигнуться вперед, преодолеть расстояние' [Русская грамматика 1980: 367], *при-* 'достигнуть места, прибыть, соединиться с чем-н.' [там же: 366], *пере-* 'переместиться из одного места в другое через предмет или пространство' [там же: 363] и *вы-* 'выделиться из чего-н., направиться наружу' [там же: 357]. Особый интерес для нас представляет уровень понимания опрошенными семантическими различий между этими префиксами. Как отмечалось выше, в анализируемом метафорическом высказывании акцент делается прежде всего на идее преодоления пространства (*про-*), а не на идеях достижения конечной точки (*при-*), смены пространства (*пере-*) или выделения из ограниченного пространства (*вы-*).

Согласно результатам опроса, большинство респондентов верно восприняли содержание высказывания, четко различили семантические оттенки предложенных глаголов движения и выбрали лексему *пройти* (1–2 года обучения: 82 %, 2–3 года — 64 %, 3–4 года — 75 % и более 4 лет — 100 %). В то же время часть опрошенных, главным образом студенты со стажем изучения русского языка менее 4 лет, отдали предпочтение другим вариантам (*прийти*: 1–2 года: 18 %, 2–3 года — 24 %, 3–4 года — 12,5 %; *перейти*: 2–3 года — 12 %, 3–4 года — 6,25 %; *выйти*: 3–4 года — 6,25 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что информанты с высоким уровнем языковой подготовки демонстрируют более точное понимание семантических различий русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение.

Теперь рассмотрим результаты второй части опроса. Значительная часть респондентов отдали предпочтение первому варианту перевода (<...> *мы – страна, прошедшая через грозные штормы*), в котором

адекватно передается эмоциональное воздействие исходного текста (1–2 года — 82 %, 2–3 года — 71 %, 3–4 года — 81 %, более 4 лет — 75 %). Меньшая часть опрошенных выбрала второй вариант (<...> *мы – народ, который смог выйти из величайших трудностей*): 1–2 года — 18 %, 2–3 года — 29 %, 3–4 года — 19 %, более 4 лет — 12,5 %. При этом 12,5 % информантов последней группы (более 4 лет обучения) указали вариант ответа «Оба варианта не нравятся». Таким образом, результаты опроса вновь подтверждают наше предположение, что для большинства информантов важно сохранение исходного пространственного значения глагола движения и прагматического потенциала метафоры.

Проделанное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, политический деятель использует метафоры движения при описании исторического опыта страны для достижения поставленных прагматических целей. Однако интерпретация подобных метафор в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации сопряжена с такими трудностями, как различия в концептуализации пространства в китайском и русском языках, а также необходимость донести до вторичного адресата эмоциональное воздействие исходного текста.

Во-вторых, сопоставительный анализ переводов с оригиналом показывает, что вариант «Тайваньской панорамы» в целом адекватно передает на русский язык как лексемы китайского языка, обозначающие движение, так и образные выражения, описывающие кризисные моменты в истории страны. Подобная переводческая стратегия, на наш взгляд, в наибольшей степени гарантирует достижение адекватного перлокутивного эффекта у вторичного адресата. В то же время вариант «Русской службы МРТ», несмотря на использование глаголов движения, сводится преимущественно к констатации факта, что не обеспечивает эмоционального воздействия, равноценного исходному тексту. Данные опроса подтверждают наше мнение: большинство респондентов, независимо от уровня владения языком, отдали предпочтение первому варианту перевода. Таким образом, выбор переводческой стратегии непосредственно влияет на обеспечение прагматического потенциала метафоры движения.

Наконец, результаты исследования показывают, что особенности восприятия метафор движения зависят от типа интерпретатора. Переводчики используют разные стратегии: от стремления сохранить метафорические образы до их нейтрализации.

Студенты-русисты же демонстрируют прямую зависимость: чем выше уровень владения языком, тем точнее их семантическая дифференциация русских глаголов движения и выше предпочтение варианту перевода, сохраняющему их исходное пространственное значение и прагматический потенциал метафоры.

Перспективным видится дальнейший сопоставительный анализ интерпретаций различных типов метафор, используемых в речах Цай Ин-вэнь, с целью выявления как общих закономерностей, так и специфики их восприятия в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст инаугурационной речи Цай Ин-вэнь (оригинал). — 2020. — URL: <https://www.president.gov.tw/Page/586> (дата обращения: 22.07.2025).
2. Инаугурационная речь Цай Ин-вэнь (перевод «Тайваньская панорама»). — URL: https://taipanorama.tw/news_amp.php?unit=138&post=178021 (дата обращения: 25.07.2025).
3. Инаугурационная речь Цай Ин-вэнь — полный текст (перевод «Русская служба МРТ»). — 2020. — URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93178> (дата обращения: 01.08.2025).

СЛОВАРИ

1. БАС 1948–1965 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР, Институт русского языка. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 1948–1965.
2. МАС 1985–1988 = Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985–1988.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
2. Балашова, Л. В. Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 69–77. — EDN LEVHZP.
3. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка РАН, 1991. — 193 с. — EDN PVZSQJ.
4. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — 1138 с. — ISBN 5-88744-033-3.
5. Демьянков, В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. — Москва : Изд-во Московского университета, 1989. — 172 с. — ISBN: 5-211-01723-4. — EDN SFHRLV.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 1999. — № 2. — С. 5–13. — EDN SIJPOP.
7. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. — Москва : Просвещение, 1985. — 288 с.
8. Ли, Минхуэй. Способы Перевода политической метафоры в политическом дискурсе на русском языке / Ли Минхуэй, Ли Юйхань // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2022. — № 5 (168). — С. 122–127. — EDN DJALWD.
9. Лю, Лифэнь. Анализ концептуальной метафоры «войны» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 2021 г.) / Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 126–134. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14. — EDN COMIOP.
10. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики : моногр. / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 232 с. — ISBN: 978-5-9765-1610-6. — EDN WBVSFI.

11. Пименова, М. В. Метафоры со сферами-источниками игра и школа в дискурсе политика (на примере интервью В. И. Матвиенко в период с 2017 по 2020 г.) / М. В. Пименова, А. А. Родичева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2021. — 18 (4). — С. 779–791. — DOI 10.21638/spbu09.2021.409. — EDN KFQPLD.

12. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — 788 с.

13. Чанг Джуй Ченг. Метафора пути в инаугурационной речи (на материале второго обращения Цай Ин-вэнь и его перевода на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. — 2021. — № 31. — С. 41–68.

14. Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЕШЕСТВИЕ» в инаугурационной речи (на материале первого обращения Цай Ин-вэнь и его официального перевода на английский язык) / Чанг Джуй Ченг // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 200–210. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_22. EDN OJWTA.

15. Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и милитарной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 года и его перевода на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // Критика и семиотика. — 2023. — № 1. — С. 85–104. — DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-85-104. — EDN GUZAGV.

16. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001а. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

17. Чудинов, А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А. П. Чудинов // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001б. — № 2. — С. 26–31.

18. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. — 248 с. — ISBN: 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

19. Lapka, O. Language of Persuasion: Analysis of Conceptual Metaphors in Political Discourse / O. Lapka // The Grove – Working Papers on English Studies. — 2021. — Iss. 28. — P. 85–110. — DOI 10.17561/grove.28.6607. EDN TIQZMX.

20. Ryazanova-Clarke, L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? / L. Ryazanova-Clarke, N. Koteyko // Slavonica. — 2009. — No. 15 (2). — P. 112–127.

MATERIALS

1. Tsai, Ing-wen. (2020). Inaugural Address. Available at July 22, 2025 from <https://www.president.gov.tw/Page/586>.
2. Translation of “Taiwan Panorama” (2020). Tsai, Ing-wen’s Inaugural Address. Available at July 25, 2025 from https://taipanorama.tw/news_amp.php?unit=138&post=178021.
3. Translation of “Russian Service of Radio Taiwan International” (2020). Tsai, Ing-wen’s Inaugural Address. Available at August 1, 2025 from <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93178>.

DICTIONARIES

1. Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language (1948–1965). BAS 1948–1965 = Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 volumes. Moscow, Leningrad: Publishing house of Academy of Sciences of the Soviet Union.
2. Evgen’eva, A. P. (Ed.) (1985–1988). MAS 1985–1988 = Dictionary of Russian language (Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language, Ed. 3rd, ster.). Moscow: Russian language.

REFERENCES

1. Апресян, Ю. Д. (1995). Izbrannye trudy, tom II. Integral’noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija = Selected works. Volume II. Integral description of language and systematic lexicography. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul’tury”, 767 p. ISBN 5-88766-045-7.
2. Balashova, L. V. (2025). Specifika realizacii destruktivnyh metafor v rechi ministra inostrannyh del RF S.V. Lavrova (2022–2024 gg.) = The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the

- Russian Federation Sergey Lavrov (2022-2024). *Political Linguistics*, 2(110), 69–77. EDN LEVHZP.
3. Baranov, A. N., Karaulov, Ju. N. (1991). Russkaja političeskaja metafora. Materialy k slovarju = Russian political metaphor. Materials for the dictionary. Moscow: Institut russkogo jazyka RAN, 193 p. EDN PVZSQJ.
4. Vinogradov, V. V. (1999). Istorija slov = The history of words. Moscow: Rossijskaja akademija nauk. Otdelenie literatury i jazyka: Nauchnyj sovet «Russkij jazyk». Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1138 p. ISBN 5-88744-033-3.
5. Dem'jankov, V. Z. (1989). Interpretacija, ponimanie i lingvističeskie aspekty ih modelirovanija na JeVM = Interpretation, Understanding, and Linguistic Aspects of Their Modeling on Computers. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 172 p. ISBN: 5-211-01723-4. EDN SFHRLV.
6. Dem'jankov, V. Z. (1999). Interpretacija kak instrument i kak obekt lingvistiki = Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Journal of Philology*, 2, 5–13. EDN SIJPOP.
7. Dolinin, K. A. (1985). Interpretacija teksta = Interpretation of the text. Moscow: Prosveshhenie, 288 p.
8. Li, Minghui, Li, Yuhan (2022). Sposoby Perevoda političeskoj metafory v političeskom diskurse na russkom jazyke = The ways of translation of the political metaphor in the political discourse in the Russian language. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 5(168), 122–127. EDN DJALWD.
9. Liu, Lifen, Huang, Zhonglian (2022). Analiz konceptual'noj metafory «vojny» v političeskom diskurse (na primere «Poslanija Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju» 2021 g.) = Exploring the conceptual metaphor of “war” in political discourse: a case study of the 2021 presidential address to the Federal Assembly. *Political Linguistics*, 1(91), 126–134. DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14. EDN COMIOP.
10. Matveeva, G. G., Lenec, A. V., Petrova, E. I. (2014). Osnovy pragmatolingvistiki: monografija = Foundations of Pragmalinguistics. Monograph. 2nd ed., repr. Moscow: Flinta: Nauka, 232 p. ISBN: 978-5-9765-1610-6. EDN WBVSFI.
11. Pimenova, M. V., Rodičeva, A. A. (2021). Metafory so sferami-istočnikami igra i shkola v diskurse politika (na primere interv'ju V. I. Matvienko v period s 2017 po 2020 g.) = Metaphors with the sphere sources game and school in the discourse of politics (on the example of Valentina Matvienko's interviews from 2017 to 2020). *Bulletin of Saint Petersburg University*, 18(4), 779–791. DOI 10.21638/spbu09.2021.409. EDN KFPQLD.
12. Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). Russkaja grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfoložija = Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow: Nauka, 788 p.
13. Chang, Jui-Cheng. (2021). Metafora puti v inauguracionnoj rechi (na materiale vtorogo obrashhenija Čaj In-vjen' i ego perevoda na russkij i anglijskij jazyki) = The Path Metaphor in Inaugural Speech (on the material of the second address of Tsai Ing-wen and its translation into Russian and English). *Journal of Russian Philology*, 31, 41–68.
14. Chang, Jui-Cheng (2022). Metaforičeskaja model' “RAZ-VITIE STRANY – jeto PUTEŠHESTVIE” v inauguracionnoj rechi (na materiale pervogo obrashhenija Čaj In-vjen' i ego oficial'nogo perevoda na anglijskij jazyk) = The Metaphorical Model “COUNTRY DEVELOPMENT is a JOURNEY” in the Inaugural Speech (On the Material of Tsai Ing-Wen's First-Term Inaugural Address and Its Official Translation Into English). *Political Linguistics*, 6(96), 200–210. DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_22. EDN OIJWTA.
15. Chang, Jui-Cheng (2023). Kognitivnoe issledovanie metafory puti i militarnoj metafory v političeskom diskurse (na materiale obrashhenija Čaj In-vjen' po sluchaju Dnja dvuh desjatk 2022 goda i ego perevoda na russkij i anglijskij jazyki) = Cognitive Study of Path Metaphor and Military Metaphor in Political Discourse (Based on the Material of Tsai Ing-wen's Address on the Occasion of Double Tenth Day in 2022 and Its Translation in Russian and English). *Critique and Semiotics*, 1, 85–104. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-85-104. EDN GUZAGV.
16. Chudinov, A. P. (2001a). Rossija v metaforičeskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ, 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.
17. Chudinov, A. P. (2001b). Sportivnaja metafora v sovremenom rossijskom političeskom diskurse = Sports metaphor in contemporary Russian political discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 26–31.
18. Chudinov, A. P. (2003). Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj političeskoj komunikacii = Metaphorical mosaic in modern political communication. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ, 248 p. ISBN: 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.
19. Lapka, O. (2021). Language of Persuasion: Analysis of Conceptual Metaphors in Political Discourse. *The Grove – Working Papers on English Studies*, 28, 85–110. DOI 10.17561/grove.28.6607. EDN TIQZMX.
20. Ryazanova-Clarke, L., Koteyko, N. (2009). The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 15(2), 112–127.